

Император Ин-цзун, едва вернувшись на престол, вскоре скончался от болезни. Трон занял наследник, принявший девиз правления Чэнхуа — император Сянь-цзун. Этот государь отличался весьма своеобразным стилем управления: он учредил особую структуру под названием Западное депо, чьи сотрудники-евнухи занимались слежкой за чиновниками и расследованием важнейших дел по личному приказу монарха. К тому же император без памяти был влюблен в свою наложницу, госпожу Вань, и осыпал милостями так называемых чиновников по назначению. Эти люди получали свои должности не через государственные экзамены и не после проверки министерством чинов, а исключительно благодаря взяткам, переданным любимой наложнице или влиятельным евнухам. Стоило императору издать указ, как вчерашние проходимцы возносились на вершины власти, обретая высокие посты и титулы.

Такое положение дел вызвало бурю негодования среди старых сановников, в столичных залах стоял сплошной гул возмущения. Однако Сянь-цзун пропускал всё это мимо ушей, продолжая гнуть свою линию. В конце концов, в руках императора сосредоточена высшая власть, так разве не волен он делать всё, что заблагорассудится?

Некоторые министры, не в силах больше терпеть происходящее, принялись подавать прошения, умоляя государя не позволять евнухам творить беззаконие и злоупотреблять властью. Среди них был и Чэнь Инь — человек прямолинейный, честный и неподкупный, который никогда не мог оставаться в стороне, видя несправедливость.

Когда у матери главного евнуха из управления церемоний Хуан Сы случились похороны, чиновник Академии Ханьлинь Сюй Цюнь подбил остальных коллег отправиться на поминальную службу. Узнав об этом, Чэнь Инь пришел в ярость. Он ткнул пальцем в лицо Сюй Цюня и закричал:

— Вы — приближенные государя, а ведете себя как бесстыдники, бегаєте поклоняться в дом раба! Где же ваша чиновничья честь?

Он не боялся одергивать даже высших евнухов, и даже всесильное Западное депо не вызывало у него трепета. Однажды евнух Вэй Ин из Западного депо среди ночи ворвался с отрядом стражников в дом чиновника военного ведомства Ян Шивэя. Супругов схватили и принялись допрашивать под пытками прямо на месте. Чэнь Инь, живший по соседству, услышав шум, взобрался на стену и во весь голос закричал:

— Вы смеете попираť достоинство сановников империи, неужели не боитесь государственного закона!

Евнух Вэй, разъяренный такой дерзостью, рявкнул в ответ:

— Кто ты такой? Неужели не страшишься Западного депо?

Чэнь Инь, ничуть не испугавшись, отрезал:

— Я — Чэнь Инь из Академии Ханьлинь! Если я не боюсь даже начальника депо Вана, то неужели стану бояться таких ничтожеств, как вы?

В те времена мы все дрожали за Чэнь Иня, опасаясь, как бы его резкие речи не накликali на него беду. К счастью, император не придал значения наветам евнухов, и вскоре Чэнь Иня повысили до должности младшего чиновника в Нанкинском храме жертвоприношений. Так он покинул Пекин и больше сюда не возвращался.

Минуло пять долгих лет. После завершения работы над Хрониками Ин-цзуна я получил приказ явиться с докладом к Сянь-цзуну. Он давно не видел меня, поэтому задержал во дворце, чтобы побеседовать о старых временах. Император выглядел подавленным и с порога начал жаловаться:

— В последнее время доклады с критикой в мой адрес льются нескончаемым потоком, от них голова идет кругом. То требуют упразднить Западное депо, то обвиняют меня в чрезмерной любви к госпоже Вань. Пожалуй, из всей Академии Ханьлинь только ты один умеешь успокоить мою душу.

Я поспешно ответил с поклоном:

— Ваш покорный слуга лишь старается исполнять свой долг перед Вашим Величеством.

— Вчера мне вздумалось написать картину, взгляни. Она называется Единение. Что скажешь?
— император указал на свиток, лежавший на столе.

Я пристально взгляделся в рисунок. На первый взгляд техника казалась грубой и простой, но за этим скрывался глубокий смысл. Я начал неспешно отвечать:

— Существует предание, что когда знаменитый монах Хуэй Юань жил в монастыре Дунлинь на горе Лушань, он дал обет не провожать гостей дальше ручья Хуси. Но однажды даос Лу Сюэцин и поэт Тао Юаньмин пришли навестить его, и они так увлеклись беседой, что, провожая друзей, монах сам того не заметив перешел ручей. Услышав рев тигра в лесу, все трое рассмеялись и расстались. Это история о трех улыбках у ручья Хуси. Ваше Величество мастерски объединили образы этих троих людей в одном персонаже. Картина дышит гармонией и добротой, это поистине искусная работа.

— Я хочу, чтобы при дворе воцарилось такое же согласие, чтобы все работали сообща и помогали мне вернуть империи былое величие эпохи Юнлэ и Сюаньдэ, — в глазах императора светилась мечта.

Однако я прекрасно понимал: пока государь потакает всевластию евнухов, достичь желаемого будет непросто. Но вслух я этого, конечно, не произнес. В нынешних стенах дворца осторожность и умение хранить молчание — единственный способ уцелеть.

Закончились дела, настал день отдыха,

Иволга поет, весну в саду зовя.

Бреду меж цветов, на душе легко и вольно,

Смотрю на плывущие облака, и сны мои сладки.

В выходные Чэн Янь был частым гостем в моем доме. Вот и сегодня, едва я закончил завтракать, он вихрем ворвался внутрь. Его лицо сияло от нетерпения, и он громко воскликнул:

— Чанъань, скорее собирайся! Я покажу тебе одно удивительное место.

— О? Что же это за место такое, раз ты так взбудоражен? — с любопытством спросил я.

— Ха-ха, пока секрет. Как приедем — сам всё поймешь, — Чэн Янь решил сохранить интригу.

Я притворился рассерженным и ворчливо отозвался:

— Ну вот, опять ты со своими загадками. Раз не хочешь говорить, значит, я никуда не поеду.

— Эй, Чанъань, ну чего ты сразу злишься? Я ведь специально ради тебя приехал, как ты можешь оставить меня одного? — увидев мою игру, Чэн Янь начал мягко уговаривать.

Глядя на его серьезное и взволнованное лицо, я не удержался и прыснул со смеху:

— Если не хочешь возвращаться один, так говори прямо, к чему эти тайны? Ну, выкладывай, куда мы направляемся?

Он поманил меня к себе и, понизив голос, прошептал:

— На черный рынок.

Я вырос в столице, но никогда не слышал о черном рынке, а уж тем более не бывал там. Мое любопытство мгновенно разгорелось, и это показалось мне весьма занятным. Я поспешно переоделся, и мы, не теряя времени, отправились в путь.

Мы ехали в карете Чэн Яня на юго-запад. Экипаж остановился у берега пруда. Чэн Янь жестом велел мне выйти, достал из-за пазухи ключ в форме шестиконечной звезды, присел, раздвинул густую траву и вставил ключ в скрытый среди камней замок. Раздался щелчок механизма. Вскоре из зарослей, словно юркая рыбка, выплыла небольшая лодка.

Мы переправились на другой берег по воде. Вокруг высились величественные горы, утопая в зелени, словно надев на себя парчовые одежды. Синее небо отражалось в бирюзовой глади, весеннее дыхание природы наполнило воздух. Я никогда не видел такой красоты и не мог взять в толк: почему же именно в таком живописном месте спрятан черный рынок?

Лодка неспешно причалила к входу в пещеру. Мы вышли и, ступая осторожно, двинулись вглубь. Поначалу проход был узким и тесным, отчего становилось не по себе, но чем дальше мы шли, тем просторнее становилось вокруг. Вскоре мы словно переступили порог иного мира: этот пещерный тоннель оказался входом в совершенно иное, удивительное пространство.